

очень глубоко заглянуть в душу, казалось бы, честного, богобоязненного мещанина Махоня, чтобы увидеть то, что зреет в ней с каждой новой немецкой победой. Когда Махоню предложили «ариизировать» предприятие его соседа, еврея Гекиша, он согласился, приняв решение, что потом, когда-нибудь снова вернет гостиницу ее законному владельцу. Махонь даже прячет Гекиша в подвале. Но постепенно он убеждает себя, что если бог допускает все, что происходит, значит, он хочет вознаградить его, Махоня, и покарать Гекиша. И кроткий Махонь готов помочь осуществлению этой «воли божией».

А сколько разных типов немцев, военных и штатских, проходит перед нами. Одинаково достоверны и убедительны: с одной стороны, фанатик Виттнер и зверь Грамм, а с другой — химик Отто Реннер, попавший в штрафной батальон за отказ стрелять в русского пленного. В романе выведены и словацкие фашисты. И почти никогда автор не ограничивается поверхностным анализом, его острый взгляд направлен и на второстепенных персонажей.

Но кроме аналитического дара, Яшику свойственен и талант синтеза. Можно сказать, что действительность, увиденная во всех деталях бесстрашным взором писателя-реалиста, представлена в то же время в романе большими и подлинно поэтическими обобщениями. Такое поэтическое обобщение воплощено и в метафорическом заглавии «Мертвые не поют».

По мысли автора, мертвы не только те, чьи трупы гниют на омертвевшей земле, мертвы и те «молчаливые», кто механически, по команде немецких офицеров, стреляет в русских братьев. Страшный трагический смысл заключен в сцене, где пять словацких солдат, участвующих в боях на Восточном фронте, пьют какую-то неизвестную жид-

кость, почти уверенные, что это ядовитый древесный спирт, пьют потому, что они создают себя обреченными, потому, что они все равно мертвы. Дыхание смерти ощущается и в том эпизоде, когда на площади в Правно жители города в ужасе смотрят на вывешенную гитлеровцами для устрашения народа карту с кроваво-красными стрелами, указывающими «На Москву», «На Индию», «Урал-Сибирь». И «карта — уже не карта, а открытая могила».

Смерть — это отчаяние, неверие, примирение, трусость. Фашисты заключили союз со смертью. А подвиг народа, восставшего против фашизма, — это воскрешение из мертвых. Именно так показан переход на сторону советских войск словацкой батареи во главе с поручиком Клако. Этим же чувством проникнута очень сильная сцена, где шесть коммунистов из деревни Планице сходятся после четырехлетнего перерыва на нелегальное партийное собрание, чтобы услышать о великой победе Советской Армии на Волге.

Яшик изображает подпольную борьбу компартии как тяжелую, безмерно опасную работу, которая кажется кое-кому — например, анархисту Ремешу — слишком будничной. Борьба подпольщиков предстает во всей ее каждодневной суровости как подвиг «простых великих людей», помогавших воскрешению народа из мертвых.

Яшику не удалось закончить книгу — безвременная смерть прервала его работу. Роман обрывается на эпизоде, когда советские парашютисты и словацкие партизаны, среди которых и поручик Клако, соединяются с подпольным центром Сопротивления и начинают вооруженную борьбу. В этой заключающей роман главе рассказано о тех событиях, которые положили начало революционному преобразованию Словакии.

И. БЕРНШТЕЙН.

ЭТОТ ОСТРОВ — БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Все начинается как в добром старом романе приключений. Английский трехмачтовик «Блоссом». Свежий бриз зюйд-зюйд-ост, наполняющий паруса. Безбрежность Тихого океана. Истошные матросы в красно-белых полосатых штанах драют палубу. Боцман с плетью, злобный сторожевой пес, наблюдает за порядком. На вахте третий помощник — лейтенант Пёрселл. Это благородный герой. Душа его соткана из поэзии морской службы, веры в бога и сочувствия бедной команде — голодной, битой, трепещущей в вечном страхе перед капитаном. Капитан Берг — воплощение жестокой силы, у него даже осанка сверхчеловека. Матросы и лейтенант Пёрселл едва достают головой до его твердого английского подбо-

родка. Он из тех, кто не терпит в подчиненных ни малейшего проявления человеческого достоинства, из тех, кто

...бунт на борту обнаружив,
из-за пояса рвет пистолет
так, что сыплется золото с кружев
розоватых брабантских манжет.

События развиваются стремительно. Юнга, выливая за борт помой, становится против ветра. Несколько капель попадает на белоснежные кружева капитанской манишки. Страшный удар кулака, и мальчик упал мертвым на палубу. Капитан приказывает выбросить труп за борт. Матросы ропщут. Лейтенант Пёрселл требует, чтобы над телом усопшего прочли молитву. Первый помощник Ричард Мэйсон — дядя юнги — выхватывает пистолет и убивает капитана. Второй помощник пытается взять на себя командование, но один из матросов — шотландец Маклеод — закалывает его ножом.

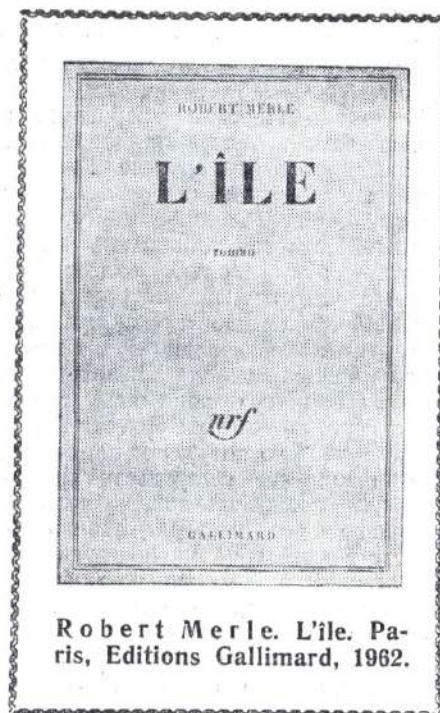
Другой матрос убивает боцмана. Теперь мятежной команде закрыт путь на родину: в Англии их ждет пеньковая петля. Мэйсон, который занимает место капитана, принимает решение высадиться на необитаемом острове. Пёрселл и семеро матросов готовы остаться с ним. «Блоссом» заходит на Таити, чтобы запастись водой и провизантом. Шестеро таитян и двенадцать таитянок — в том числе дочь вождя, которая становится женой Пёрселла, — присоединяются к англичанам. Снова океан, бури, волны, захлестывающие палубу, лишения, жажда — как в старом добром романе приключений — и наконец — «Земля!».

И в самом деле, крохотный островок Питкерн — это земля. Земля людей, земля, на которой идет жизнь человеческого общества, возникают социальные институты, вспыхивают войны, формируется политическое сознание. Забудем о XVIII веке, когда взбунтовавшиеся матросы «Боунти», послужившего прототипом «Блоссом» из романа «Остров» Робера Мерля, высадились на необитаемом острове вместе с несколькими таитянами и за два года перебили друг друга, воюя за женщин и землю. От этого исторического эпизода осталась в романе только фабульная канва. Робер Мерль не стилизует под XVIII век ни язык, ни психологию героев.

Тяжелодум, консерватор, узколобий традиционалист Ричард Мэйсон, так же как предприимчивый собственник, политикан и демагог Маклеод или благородный идеалист, ставящий превыше всего принцип «ненасилия», Адам Пёрселл, — все это для Мерля фигуры вполне современные. Гроты и пальмы, экзотические плоды и тропические ливни — лишь форма художественного отстранения, помогающая автору поставить читателя перед теми же проблемами, с которыми сталкивает его каждый день сухая газетная информация.

На острове традиционная корабельная иерархия терпит крах. Матросы отказываются подчиняться Мэйсону. Если бы не вмешательство Пёрселла, они бы даже повесили своего бывшего командира. Власть захватывает наиболее инициативный из матросов Маклеод — герой эпохи первоначального накопления или ловкий демагог современнейшего образца. Он создает некое подобие парламента, где все решается демократически, поднятием рук. Мнимость этой демократии залана с самого начала, право голоса предоставлено, разумеется, только англичанам. Девять белых призваны решать судьбу колонии, две трети населения острова — им подчиняться: шестеро таитян — как «цветные», двенадцать таитянок — как существа вдвойне неполноценные: не белые и не мужчины. Так закладываются основы колониальной системы.

Пёрселл, конечно, против этой несправедливости. Он считает, что таитяне должны пользоваться теми же правами, что и англичане. Он отстаивает право женщин выбирать себе супругов, как то принято на Таити. Но его поддерживают лишь два матроса, четверо голосуют за Маклеода. Пёрселл —

Robert Merle. L'île. Paris, Editions Gallimard, 1962.

бессильная оппозиция, меньшинство с его благородными речами и чистыми руками, такое удобное для «правого большинства».

Пёрселл — человек мужественный. Защищая свои принципы, он не побоялся восстать против бесчеловечности капитана Берга — Давид против Голиафа. Он готов riskовать собственной жизнью. Но он отказывается посягнуть на жизнь другого. Даже если другой — мерзавец. Даже если другой должен стать убийцей и вдохновителем массового убийства. «Не убий» — эта заповедь для Пёрселла превыше всего.

Пёрселл жаждет справедливости. Он бескорыстен. Он готов разделить свой надел с таитянами, которым парламент Маклеода отказался дать землю. Что может он, однако, возразить Теаити — вождю обездоленных, — который говорит ему: «Адамо — ты хороший человек. Но быть хорошим мало. Ты говоришь: «Я делю с вами несправедливость». Но это не устраняет несправедливости».

Время сжимается пропорционально величине острова. В несколько месяцев сгущается вся история последних столетий — от порабощения колониальных народов до их восстания против угнетателей. Расизм Маклеода, истого буржуа, — удобная идеология защиты собственничества. Расизм Мэйсона — естественная опора кастовой системы. Здесь их интересы сходятся. Для приобретения союзников в войне против таитян гибкий Маклеод согласен поступиться своими парламентскими свободами и пойти на сговор с удалившимся в добровольное изгнание Мэйсоном (как тут не вспомнить не-

РОБЕР МЕРЛЬ

которых французских «демократов», возжаждавших «твердой власти» в мае 1958 года!).

И только Пёрселл упорствует на своей ничьей земле, подставляя себя под пули и отказываясь взять оружие. Гибнут один за другим его друзья-матросы. Гибнет его названный брат Меани. Гибнут хорошие и дурные. Остается победитель — Теаити, обгравивший руки кровью врагов, той самой кровью угнетателей, которую, по его выражению, «хорошо проливать. Это кровь, которую земля впитывает с большой радостью». Руки Пёрселла остаются чистыми, но сам он начинает понимать, сколь эта чистота сродни чистоте Понтия Пилата, умывшего руки. Его потрясает замечание Теаити, что позиция невмешательства и ненасилия — удобная позиция ловкого человека, уклоняющегося от выбора, перекладывающего ответственность на плечи других. «Почему, — задумывается Пёрселл, — принцип уважения к жизни человека казался ему более важным, чем люди, жизнь которых он мог бы спасти, отказавшись от этого принципа?» Слишком поздно, но он пересматривает свои взгляды и твердо отвечает Теаити, что с оружием в руках будет защищать остров, если на него нападут европейцы. Слишком поздно, чтобы оживить убитых, но все же не слишком поздно: Теаити и Пёрселл находят друг друга, чтобы жить и создавать вместе.

Путь Адама Пёрселла — это, в какой-то мере, путь, проделанный самим Робером Мерлем. Его первый роман «Уик-энд на Южном берегу», воссоздававший события второй мировой войны, был проникнут ненавистью к кровопролитию, насилию, безот-

носительно к тому, против кого это насилие направлено. Майя — солдат французской армии, разбитые части которой откатываются к Дюнкерку, — не может себе простить, что он поднял руку на человека, — между тем убил Майя двух негодяев, насилующих девушку, спасая от них ее и свою жизнь. Майя гибнет от случайной бомбы, но, в сущности, это самоубийство.

Значит, человек должен пассивно отступить перед злом? Должен сложить оружие перед тем, для кого насилие, убийство — повседневное ремесло? Второй роман Робера Мерля «Смерть — мое ремесло», написанный от лица коменданта гитлеровского лагеря смерти, свидетельствовал, что автор его вглядывается в механику зла, чтобы утвердить свою непримиримость к нему, чтобы определить позицию борьбы против исторического зла: фашизма, расизма. Эта эволюция закономерно привела Робера Мерля к идее, которой проникнут «Остров»: в борьбе колониального мира против угнетателей (незачем говорить, какие конкретные явления сегодняшней действительности подставляет французский читатель под вымышленные перипетии войны на острове Питкерн) пассивность равнозначна предательству.

Как давняя история в «Страстной неделе» Арагона, как недавняя история в «Альтонских узниках» Сартра, экзотика «Острова» — та обходная тропа искусства, которая позволяет этим — столь разным — художникам незаметно подобраться к сердцу и уму читателя и растревожить его совесть, заставить задуматься о своем месте в сегодняшней схватке, о своей исторической ответственности.

Л. ЗОНИНА

НОВАЯ ПЬЕСА ШОНА О'КЕЙСИ

Мон О'Кейси снова обращается к своей излюбленной теме — засилью клерикализма в сегодняшней Ирландии, гнету католических догматов, губящих всякую живую мысль и чувство. Но проблематика его новой пьесы «За зелеными занавесями» гораздо шире.

Драматическую интригу составляют по преимуществу злоключения группы артистической молодежи: драматурга Макгира, поэта Хороуна, актера Кониина и владельца местной фабрики Чатэстрей, которые мнят себя «властителями дум», людьми независимых взглядов. Отцы города, представленные в пьесе тупым и злобным фанатиком Карнавоном, затевают демонстрацию против «безбожного коммунизма»: им не нравится, что в далекой Венгрии потерпел провал антинародная деятельность печальной славы кардинала Миндсенти. Необычайно комичны их мечтания о том,

что шествие в заштатном Баллибидхасте «разбудит Европу и Америку и нанесет смертельный удар коммунизму».

От «властителей дум» церковники тоже требуют участия в демонстрации. Собравшись в доме Чатэстрей и, точно заговорщики, задернув зеленые занавеси на окнах, «властители дум» клянутся не поддаваться шантажу. Драматург с едким сарказмом показывает, как воинственность наших героев уступает место сомнениям, прикрываемым фразами о «назначении художника». «Место писателя, — патетически декларирует Хороун, — в безмятежном отдалении, где его не потревожит ни голос, ни шум автомобиля, ни смех ребенка, ни прикосновение женщины, путающие спокойное течение мысли, где только щебечут птицы, да на тонком стебле нежно качается роза!» А в третьем акте мы увидим этих интеллектуалов членами «Ордена кающихся братьев», облаченными для демонстрации в одеяния из мешковины; захлебываясь от восторга и перебивая друг друга, они расскажут, как их принял сам епископ и душеспасительной беседой о зем-